

ЛУЧШИЕ
ЛЮДИ
СТРОЯТ
ЛУЧШЕЕ
ЗАВТРА

84

ПОВЕДЕНИЕ	92
НАДЕЖНОСТЬ	88
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ	76
СООТВЕТСТВИЕ	95

РЕЙТИНГ

ТЕБЯ УЖЕ ОЦЕНИЛИ

РОМАН - АНТИУТОПИЯ

ЮЛИЯ ХРОНИ

Юлия Хрони

**Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже
оценили. Роман-антиутопия о
мире, где цифры решают, кто ты»**

«Автор»

2026

Хрони Ю.

Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже оценили. Роман-антиутопия о мире, где цифры решают, кто ты» / Ю. Хрони — «Автор», 2026

В мире Александры Орловой человека оценивают раньше, чем успевают узнать. Рейтинг определяет, где ты будешь учиться, работать, жить и даже с кем тебе рекомендуют строить отношения. У семнадцатилетней Саши почти идеальный балл — 95. Но однажды цифра начинает падать: из-за слишком честного ответа, «неправильной» реакции и знакомства с Ильёй — парнем с рейтингом 12. Пытаясь понять, как работает система, Саша и Илья начинают расследование и узнают, что алгоритм анализирует не только поступки, но и эмоции, страхи, привычки и степень предсказуемости человека. Чем ближе они к истине, тем опаснее становится вопрос: если однажды никто не сможет тебя оценить, будешь ли ты знать, кто ты? «Рейтинг. Тебя уже оценили» — психологический роман-антиутопия о зависимости от чужого мнения, тревоге, первой любви, выборе будущего и праве оставаться собой.

Содержание

Глава	5
От автора	5
Глава 1. Девяносто четыре	6
Глава 2. Город, который всё видел	10
Глава 3. Публичное счастье	12
Глава 4. Вы недостаточно счастливы	14
Глава 5. Как считается человек	17
Глава 6. Сбой фильтра	20
Глава 7. Двенадцать	22
Глава 8. Илья Арсеньев	25
Глава 9. Правильная дружба	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Хрони

Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже оценили. Роман-антиутопия о мире, где цифры решают, кто ты»

Глава

От автора

Эта книга — мой первый опыт написания художественного романа.

До неё я привыкла говорить с читателем как психолог: разбирать чувства, отношения, внутренние конфликты, искать причины поступков и объяснять сложные вещи простым языком. Но однажды мне стало интересно: а что, если не объяснять человеку, как устроены тревога, зависимость от чужого мнения, страх отвержения и желание казаться лучше, а поместить героя в мир, где всё это стало частью государственной системы?

Так появился «Рейтинг».

Перед вами антиутопия, но мир главной героини Александры не так далёк от нашего, как может показаться. Мы уже умеем считать просмотры, реакции, подписчиков, оценки, достижения. Мы видим чужие жизни через отобранные фотографии и часто забываем, что за красивой картинкой может стоять усталость, одиночество, страх или обычный плохой день. Молодому человеку особенно легко поверить, что где-то существует правильная версия жизни и правильная версия самого себя — та, которую должны одобрить все.

Мне хотелось написать об этом без тяжёлых лекций. Поэтому здесь будут неловкие свидания, родительские чаты, школьные интриги, дружба, первая любовь, шутки, ошибки и герои, которые иногда ведут себя совершенно нелогично. То есть почти как настоящие люди.

Эта история не о том, что мнение окружающих совсем не важно. Мы живём среди людей, любим их, спорим с ними, нуждаемся в поддержке и хотим быть принятыми. Вопрос в другом: что происходит, когда чужая оценка становится важнее собственного ощущения себя?

Александре семнадцать. Она привыкла быть «правильной», пока одна цифра не начинает падать. Вместе с ней рушится уверенность, что хорошая жизнь обязательно выглядит так, как её описали другие.

Для меня как для психолога особенно важна мысль, проходящая через весь роман: человек не обязан быть идеальным, чтобы иметь ценность. Он может тревожиться и быть сильным. Завидовать и любить. Ошибаться и оставаться достойным уважения. Не знать, кем хочет стать, и всё равно двигаться вперёд.

Я надеюсь, что читая эту книгу, вы будете иногда смеяться, иногда сердиться на героев, иногда узнавать в них себя. А возможно, после последней страницы зададите себе тот же вопрос, который однажды услышит Александра:

«Если завтра никто не сможет тебя оценить, ты будешь знать, кто ты?»

Глава 1. Девяносто четыре

В семнадцать лет Александра Орлова точно знала три вещи.

Первое: кофе без сахара считается полезнее, даже если на вкус напоминает наказание за грехи.

Второе: фотографироваться нужно чуть сверху. Если камера стоит снизу, алгоритм почему-то решает, что ты «эмоционально истощена».

И третье: рейтинг ниже восьмидесяти пяти — это почти социальная простуда.

Вроде не смертельно.

Но окружающие стараются держаться подальше.

У Александры было девяносто четыре.

Самой Александре было семнадцать. Она была среднего роста, с прямыми каштановыми волосами до плеч, серо-зелёными глазами и россыпью почти незаметных веснушек на переносице. Саша считала нос слишком обычным, волосы — недостаточно густыми, а улыбку — немного кривой, хотя на фотографиях всё это исправлялось за три секунды. В жизни она двигалась быстро, говорила ещё быстрее и, когда волновалась, заправляла одну и ту же прядь за ухо, пока та упрямо не выпадала обратно.

Не просто хорошо.

Почти идеально.

Девяносто четыре означало лучший университет, доступ к престижным стажировкам, хорошие районы проживания и знакомство с людьми, которых система считала перспективными.

Даже родители произносили эту цифру с особенной интонацией.

— У нашей Саши девяносто четыре.

Так отец говорил о ней коллегам.

Будто дочь не человек, а отлично работающий пылесос премиум-класса.

Официальный итоговый рейтинг присваивался в восемнадцать лет, но предварительный балл отображался в приложении «Я» с четырнадцати.

Название Александре всегда казалось издевательским.

Открываешь приложение «Я», а внутри тебе рассказывают, каким ты должна быть.

Каждое утро начиналось одинаково.

— Доброе утро, Александра, — сообщил экран на стене. — Продолжительность сна семь часов сорок две минуты. Эмоциональный фон удовлетворительный. Рекомендуется начать день с благодарности.

Саша не открывала глаз.

— Спасибо, что сегодня не понедельник.

— Сегодня понедельник.

Она открыла один глаз.

— Тогда благодарить не за что.

Экран коротко мигнул.

Саркастическая реакция.

— Даже не начинай.

На кухне мама уже сидела с идеальной овсянкой.

Наталья Орлова, мама Александры, работала руководителем отдела в крупной страховой компании. Она была стройной, всегда аккуратно одетой и удивительно похожей на дочь глазами, только взгляд у неё почти никогда не метался. Наталья производила впечатление женщины, у которой даже случайности заранее занесены в календарь. Отец, Андрей, городской

инженер-энергетик, был её полной противоположностью: высокий, чуть сутулый, с седеющими висками и тихим юмором, который особенно раздражал Наталью в серьёзные моменты.

Мама вообще умела делать всё правильно.

Спина прямая.

Вода с лимоном.

Новости только из рекомендованной подборки.

Перед завтраком пять минут осознанного дыхания.

Саша подозревала, что однажды мама начнёт осознанно моргать.

— Саша, выпрями спину.

— Доброе утро, мама.

— Доброе. И выпрями спину.

Отец спрятался за экраном новостей.

На столе стояла шоколадная паста.

Саша потянулась к ней.

Браслет завибрировал.

Выбор продукта не соответствует рекомендованной пищевой стратегии.

— Ты опять? — спросила мама.

— Что?

— Сладкое с утра.

— Это не сладкое. Это эмоциональная поддержка на хлебе.

Отец хмыкнул.

— Андрей, не поощряй.

— Я просто кашлянул.

— Ты засмеялся.

— Очень весёлый кашель.

Саша намазала пасту потолще.

Браслет сообщил:

Повышенная импульсивность при выборе пищи.

— Ты когда-нибудь заткнёшься? — спросила она у него.

Мама резко подняла глаза.

— Александра!

— Я разговариваю с браслетом.

— Тем более. Он фиксирует речевую агрессию.

Саша посмотрела на экран.

— Мы с ним в токсичных отношениях.

Через четыре месяца выпускникам предстояла итоговая личностная аттестация.

С этого момента предварительный рейтинг становился окончательным и определял почти всё.

Где ты будешь учиться.

Какую работу сможешь получить.

В каком районе жить.

Какие банковские продукты тебе доступны.

Даже с кем система рекомендует строить отношения.

Формально никто ничего не запрещал.

Можно было делать всё.

Просто после некоторых решений перед тобой переставали открываться двери.

В буквальном смысле.

У Александры была цель — Национальный институт коммуникаций.

Мама выбрала его ещё три года назад.

— Это будущее, — говорила она.

Саша не была уверена, что хочет заниматься общественными коммуникациями.

Ей нравилась литература.

Она иногда писала рассказы.

Только никому не показывала.

В системе профессий писатель относился к категории «низкая предсказуемость дохода».

Мама однажды сказала:

— Творчество прекрасно как хобби.

Саша тогда подумала, что выражение «как хобби» способно убить примерно половину человеческих желаний.

Но вслух ничего не сказала.

В лицее над входом висела надпись:

МЫ ПОМОГАЕМ ТЕБЕ СТАТЬ ЛУЧШЕЙ ВЕРСИЕЙ СЕБЯ.

Под ней располагались фотографии лучших выпускников.

Все с рейтингом выше девяноста.

Все улыбались.

Однажды Саша спросила:

— А где остальные?

Классная руководительница посмотрела на неё с искренним удивлением.

— Какие остальные?

— Ну... которые получили семьдесят. Шестьдесят.

— Мы демонстрируем ориентиры.

Саша запомнила эту фразу.

Людей ниже определённой цифры словно не существовало.

На третьем уроке проходило психологическое тестирование.

Сто двадцать вопросов.

Вы часто завидуете другим людям?

Саша отметила:

«Практически никогда».

Ложь номер один.

Вчера она двадцать минут разглядывала фотографии Милы Ковалёвой с океана и мысленно пожелала, чтобы хотя бы одна чайка украла у неё телефон.

Испытываете ли вы раздражение, когда ваши друзья успешнее вас?

«Нет».

Ложь номер два.

Вы полностью принимаете свою внешность?

«Да».

Ложь номер три.

Саша посмотрела на соседку.

Соня без колебаний нажала «да».

— Ты серьёзно? — шепнула Саша.

— Конечно.

— Ты полгода назад изменила форму носа.

— Именно поэтому теперь полностью принимаю.

Саша зажала рот рукой.

На экране появилось:

Внимание отклонено от тестирования.

Последний вопрос заставил её задержаться.

Если бы мнение окружающих перестало иметь значение, изменили бы вы свою жизнь?

Она смотрела на экран.
Странный вопрос.
Если никто не увидит?
Никто не оценит?
Никто не поставит реакцию?
Никто не скажет «молодец»?
Она вдруг представила себя без рейтинга.
И неожиданно не смогла понять, что осталось.
Саша нажала:
Нет. Меня полностью устраивает моя жизнь.
Экран ответил:
Благодарим за искренность.
Она чуть не рассмеялась.
Вечером рейтинг поднялся до девяноста пяти.
Мама купила торт.
На нём кремом было написано:
95!

— Вы однажды вместо возраста напишете на моём праздничном торте рейтинг, — сказала Саша.

— Не подавай матери идеи, — предупредил отец.

Мама закатила глаза.

— Я горжусь тобой.

Саша улыбнулась.

Она действительно хотела, чтобы мама гордилась.

Наверное, даже сильнее, чем хотела поступить в институт.

Именно тогда браслет завибрировал.

На экране появилось сообщение.

ВНИМАНИЕ.

Зафиксировано несоответствие между вашей публичной личностью и реальным психологическим профилем.

Саша перечитала.

Потом ещё раз.

Под текстом появилась строка:

Начата дополнительная проверка.

— Что там? — спросил отец.

— Ничего.

Она заблокировала экран.

Через минуту открыла приложение.

95 исчезло.

Теперь возле её фотографии стояло:

94.

Это всё ещё была прекрасная цифра.

Но впервые Александре стало от неё страшно.

Глава 2. Город, который всё видел

Меридиан просыпался раньше Александры.

Когда она выходила из дома, город уже успевал проверить температуру воздуха, плотность транспорта, уровень шума, количество людей на остановках и эмоциональный фон квартала. На фасаде соседнего дома светилась зелёная полоса: «Район стабилен». Саша никогда раньше не задумывалась, что именно должно произойти, чтобы полоса стала жёлтой.

Орловы жили в Верхнем секторе, в доме из стекла и светлого камня недалеко от набережной. Здесь деревья росли в одинаковых квадратных кадках, доставка приезжала бесшумно, а подъезд узнавал жильцов по лицу раньше, чем они успевали достать ключ-карту. Из окна комнаты Саши было видно реку, тонкую линию монорельса и башню Управления общественной устойчивости. По вечерам башня подсвечивалась белым, и на ней появлялась надпись: «Доверие делает нас свободнее».

Саша всегда считала эту фразу красивой. Теперь она вдруг заметила, что не понимает её смысла.

— Ты чего застыла? — спросила Соня, догоняя её у перехода.

Соня была ниже Саши почти на голову, носила короткое тёмное каре и умела выглядеть собранной даже после контрольной по математике. Сегодня на ней был идеально застёгнутый школьный жакет, а на ресницах — тушь, которую приложение почему-то считало «умеренно естественной».

— Смотрю на башню.

— Очень содержательное занятие.

— Там написано, что доверие делает нас свободнее.

— И?

— Если нам доверяют, зачем тогда столько камер?

Соня подняла глаза. Над перекрёстком висели четыре сферические камеры, ещё две были встроены в рекламную панель.

— Потому что доверяют разумно, — сказала она.

— Это как любить с проверкой телефона?

— Не начинай с утра философию. Я ещё не ела.

Они перешли улицу. На другом берегу дороги начинался Центральный сектор: старые здания там перемежались с новыми, на первых этажах были кофейни, мастерские и государственные терминалы. Ещё дальше, за грузовой линией, лежал Нижний сектор. Верхние этажи старых домов Саша иногда видела из окна монорельса: кирпич, тёмные крыши, бельё на балконах. В официальных городских роликах Низ почти никогда не показывали.

Город был разделён не стенами. Стены выглядели бы слишком грубо.

Его делили цены, маршруты, допуски и маленькие зелёные галочки возле имени.

На станции перед турникетом мужчина лет пятидесяти несколько раз подносил браслет к считывателю. Турникет оставался красным.

— Повторная идентификация, — сообщил автоматический голос.

Мужчина раздражённо выдохнул.

— Да я это. Я за ночь не превратился в другого человека.

Экран мигнул.

«Маршрут временно не рекомендован. Выберите линию Б».

— Мне на работу по линии А!

Люди сзади начали обходить его. Кто-то цокнул языком. Никто не спорил с системой. Система ведь не запрещала ему ехать. Она просто не открывала турникет.

Саша вспомнила вчерашнее сообщение о собственном несоответствии и почувствовала неприятный холод под рёбрами.

— А почему ему нельзя? — спросила она.

— Может, задолженность. Или рейтинг маршрута, — сказала Соня. — Пойдём, или опоздаем.

В вагоне на прозрачной панели прокручивалась социальная реклама.

«Ваш рейтинг — это ваша репутация, подтверждённая данными».

Следом появилась улыбающаяся девушка в белой медицинской форме.

«Высокий рейтинг открывает возможности тем, кто заботится о себе и обществе».

Потом молодой мужчина с ребёнком.

«Рейтинг помогает нам доверять друг другу в большом городе».

— Раньше так было? — спросила Саша.

— Как?

— Без рейтинга.

Соня пожала плечами.

— Наши родители жили.

— И как они понимали, кому доверять?

— Наверное, разговаривали.

— Ужас.

Они засмеялись.

На следующей станции в вагон вошла женщина с серебряной меткой 38. Люди почти незаметно раздвинулись, оставив вокруг неё пустое пространство. Женщина ничего не сказала. Она просто встала у двери и смотрела в пол.

Саша поймала себя на том, что тоже посмотрела на цифру раньше, чем на лицо.

Лицо было усталым. Обычным. С тонкой морщинкой между бровей и светлым шрамом у подбородка.

Саша быстро отвела глаза.

В приложении «Я» было написано, что рейтинг не определяет ценность человека.

Но если это правда, почему цифру показывали раньше имени?

В тот день Александра впервые увидела Меридиан не как удобный город, а как огромный механизм. Камеры были его глазами. Турникеты — пальцами. Приложения — голосом. А браслеты на руках горожан напоминали крошечные дверцы, через которые механизм заглядывал внутрь каждого.

Она ещё не знала, что у города была и память.

Гораздо более длинная, чем память людей.

И что где-то внизу, под обычными улицами, хранилось всё, что Меридиан когда-либо о них узнал.

Глава 3. Публичное счастье

На следующий день после того, как рейтинг Александры впервые качнулся вниз, в лицее проводили День публичного счастья.

Название придумали взрослые, и уже поэтому оно звучало подозрительно.

По школьным коридорам расставили световые панели с надписями: «Поделись хорошим», «Покажи благодарность», «Твоё настроение влияет на общество». Ученикам предлагалось сделать три позитивные публикации, оставить пять поддерживающих комментариев и записать короткое видео о том, за что они благодарны школе.

— Я благодарна школе за то, что она научила меня ценить каникулы, — сказала Саша, пока Соня поправляла ей воротник.

— Даже не шути так на камеру.

— Почему? Искренне же.

— Слишком искренне.

Учительница медиаэтики Марина Борисовна хлопнула в ладоши.

— Ребята, помним: благодарность должна быть личной, но социально конструктивной.

— Это как? — спросил кто-то с заднего ряда.

— Например: «Я благодарен лицеем за возможности для развития».

— А если я благодарен столовой за булочки?

— Лучше про развитие.

Саша посмотрела на Соню.

— Булочки, видимо, развивают недостаточно правильно.

Перед камерой очередь двигалась медленно. Каждый выпускник вставал на синюю отметку, улыбался и говорил примерно одно и то же разными словами.

«Я благодарна за людей».

«Я благодарен за возможности».

«Я благодарна за вызовы, которые сделали меня сильнее».

Саша слушала и вдруг почувствовала странную усталость. Не от людей. От одинаковости.

Когда подошла её очередь, над камерой загорелся зелёный круг.

— Александра Орлова. Запись начата.

Она улыбнулась.

— Я благодарна лицеем за...

И замолчала.

Марина Борисовна показала рукой: продолжай.

Саша смотрела в объектив и неожиданно вспомнила вчерашнее сообщение о несоответствии личности.

— За то, что здесь я поняла одну важную вещь.

Учительница довольно улыбнулась.

— Иногда можно очень хорошо научиться отвечать правильно и совершенно не понимать, что ты думаешь на самом деле.

Улыбка Марины Борисовны исчезла.

— Стоп запись.

Красный индикатор не погас.

— Я сказала стоп.

— Запись уже передана в общую ленту, — сообщил школьный помощник.

Соня закрыла лицо ладонью.

— Поздравляю. Ты только что устроила революцию длительностью восемнадцать секунд.

— Я просто сказала то, что думаю об этом.

— В этом и проблема.

Через десять минут видео набрало две тысячи просмотров. Через двадцать — его удалили из школьной ленты. Через тридцать у Саши было сто сорок семь новых подписчиков и сообщение от администрации:

****Публикация признана двусмысленной. Рекомендуется воздерживаться от формулировок, способных снижать доверие к образовательной среде.****

— Как двусмысленной? — возмутилась Саша. — Там был ровно один смысл.

— Возможно, система считает это ещё хуже, — сказала Соня.

Но самое неприятное произошло позже.

В раздевалке Саша услышала разговор двух девочек из параллельного класса.

— Видела Орлову?

— Конечно. Думаю, специально хайпует. Рейтинг падает, надо внимание собирать.

— Сто процентов.

Саша застыла за дверью.

Ещё вчера она сама легко рассуждала о чужих мотивах. Почему человек выложил фотографию. Почему написал грустный пост. Почему удалил сторис.

Теперь незнакомые люди за две минуты придумали ей причину, намерение и характер.

Она вышла.

Девочки замолчали.

— Продолжайте, — сказала Саша. — Я тоже хочу узнать, зачем я это сделала.

Обе опустили глаза.

— Мы не про тебя.

— Конечно. Про другую Александру Орлову, у которой сегодня удалили видео.

Она ушла прежде, чем услышала ответ.

В коридоре браслет завибрировал.

****Зафиксирован рост эмоциональной напряжённости. Рекомендуется дыхательная практика.****

Саша медленно вдохнула.

— Спасибо. А можно практику, при которой люди перестают обсуждать тебя за спиной?

Браслет молчал.

— Я так и думала.

Вечером она открыла своё удалённое видео. Кто-то успел сохранить его и снова выложить.

Под ним были сотни комментариев.

Одни писали: «Наконец-то кто-то сказал».

Другие: «У девочки проблемы, ей нужна помощь».

Третьи спорили, достойна ли она учиться в престижном лицее.

Саша закрыла экран.

Всего восемнадцать секунд.

И сотни людей уже решили, какая она.

Впервые её испугал не падающий рейтинг.

Её испугало, как быстро чужая оценка превращалась в чужую версию твоей личности.

Глава 4. Вы недостаточно счастливы

Утром было девяносто два.

В школе — девяносто.

После обеда — восемьдесят семь.

Саша обновляла приложение каждые несколько минут.

Но это было бессмысленно.

Примерно как открывать холодильник через каждые пять минут в надежде, что там самостоятельно появится пирожное.

Но человек вообще многое делает не потому, что это помогает.

А потому, что тревога требует хоть каких-то действий.

— Перестань проверять, — сказала Соня.

— Я не проверяю.

— Телефон у тебя перед лицом.

— Я смотрю время.

— Третий раз за минуту?

Саша положила телефон экраном вниз.

В столовой на неё оглядывались.

Вчера она была третьей в рейтинге класса.

Сегодня — двенадцатой.

Мила уже успела опубликовать:

Любое падение — повод задуматься, что в себе можно улучшить. Главное — продолжать работать над собой.

Саша показала пост Соне.

— Она меня не отметила.

— Это и не требуется.

— Может, написать ей спасибо за поддержку?

— Не надо.

— «Спасибо, Мила. Твоя человечность согрела моё нестабильное сердце».

— Саша.

— Ладно.

После уроков её вызвали к психологу.

Ирина Вадимовна имела рейтинг 93 и лицо человека, который настолько хорошо разобрался с собственной психикой, что теперь мог спокойно заниматься чужой.

— Александра, система обнаружила выраженную эмоциональную рассогласованность.

— Можно перевести с государственного на русский?

Психолог сняла очки.

— Ты часто чувствуешь одно, а демонстрируешь другое.

Саша моргнула.

— И?

— Это проблема.

— Почему?

— Потому что здоровая личность должна быть внутренне согласованной.

— То есть если директор меня раздражает, я должна сообщить ему?

— Не передёргивай.

— Если мне завидно, нужно написать человеку: «Поздравляю, но надеюсь, тебя укусит чайка»?

Ирина Вадимовна вздохнула.

— Речь не об этом.
— А о чём?
На экране появилась диаграмма.
Красная линия.
Зелёная линия.
— Зелёным отмечены заявленные эмоции. Красным — фактические.
— А система откуда знает мои фактические эмоции?
— Биометрия. Пульс. Мимические реакции. Движения глаз. Интонация. Длительность пауз. Поведенческие закономерности.
Саша посмотрела на график.
Красная линия скакала так, будто тоже нервничала.
— Здесь твой пост от пятнадцатого сентября. Подпись: «Лучший день».
— Мы фотографировались семь часов.
— Система определила усталость и раздражение.
— Конечно. Любой человек через семь часов фотосессии начинает ненавидеть человечество.
Ирина Вадимовна не улыбнулась.
— Здесь поздравление Милы с победой.
— И?
— Зафиксирована зависть.
— Потому что я завидовала.
— Но ты написала, что рада.
— Я и была рада.
— Одновременно?
Саша задумалась.
— А разве нельзя одновременно радоваться за человека и завидовать ему?
Психолог замолчала.
Саша продолжила:
— Если Соня поступит туда, куда хочет, я буду рада. Но если меня туда не возьмут, мне будет больно. Одно отменяет другое?
Ирина Вадимовна постучала пальцем по столу.
— Система анализирует целостность личности.
— Может, проблема не во мне, а в том, что она считает человека слишком простым?
— Александра.
— Что?
— Тебе назначена программа коррекции.
— Уже?
— Программа стабилизации.
На экран пришёл список:
Режим сна.
Снижение конфликтных взаимодействий.
Контроль эмоционального фона.
Исключение неблагоприятных социальных связей.
Последний пункт Саше особенно не понравился.
— Что считается неблагоприятной связью?
— Контакт с людьми, чьё поведение повышает риски.
— Например?
— Рейтинг ниже сорока.
Саша усмехнулась.

- Вы хотите сказать, что я знаю кого-нибудь с рейтингом ниже сорока?
- Да, именно так, - сказала психолог, глядя пристально Саше в глаза.
- Я таких не знаю!

Глава 5. Как считается человек

После разговора с Ириной Вадимовной Саша сделала то, что делал любой современный человек, столкнувшийся с чем-то непонятным: полезла читать правила, которые раньше соглашалась не читать.

В приложении «Я» раздел «Как формируется рейтинг» занимал двадцать семь экранов. Первые двадцать шесть состояли преимущественно из слов «устойчивость», «доверие», «общественное благо» и «персонализированная поддержка».

На двадцать седьмом нашлось хоть что-то похожее на ответ.

«Рейтинг личности является динамическим интегральным показателем добровольно подтверждаемой социальной надёжности гражданина».

— Добровольно, — вслух прочитала Саша. — Очень мило.

Она попыталась отключить передачу данных.

Экран ответил:

«Для вашего возраста функция недоступна».

Саша хмыкнула.

— Особенно добровольно.

Отец вошёл в комнату без стука, держа кружку чая.

— Ты ещё не спишь?

— Изучаю, из чего я состою.

— Поздновато для анатомии.

— Для рейтинга.

Андрей Орлов работал инженером в городской энергетической службе. Он был высоким, с рано поседевшими висками и привычкой поправлять очки, когда не знал, что сказать. В отличие от мамы, он редко говорил о цифрах, но всегда проверял их первым утром после обновления системы.

— Там ничего не поймёшь, — сказал он.

— А ты понимаешь, почему у тебя восемьдесят девять?

— Потому что я образцовый гражданин.

— Пап.

— Хорошо. Потому что однажды припарковался не там и пятнадцать лет не могу искупить вину.

Саша улыбнулась.

— Серьёзно.

Отец сел на край стола.

— Вначале рейтинг был проще. Когда его вводили, говорили о пяти блоках. Надёжность, здоровье, социальное участие, финансовая дисциплина и безопасность.

— А эмоции?

— Эмоции добавили позже.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— После нескольких громких историй. Говорили, что система сможет заранее увидеть кризис. Подростка, который вот-вот сорвётся. Человека в депрессии. Агрессию до того, как она превратится в насилие.

— И все согласились?

— Тогда это звучало как помощь.

Саша повернула экран к нему.

— А сейчас здесь написано, что учитывается «эмоциональная согласованность». Что это вообще?

— Не знаю.

— Но от этого зависит, возьмут ли меня в институт.

Отец перестал улыбаться.

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

— Вот это уже другой вопрос, — сказал он наконец.

Позже Саша нашла старую статью десятилетней давности. Тогда журналисты объясняли механику рейтинга почти восторженно. Балл повышался за стабильную учёбу, своевременную оплату счетов, волонёрство, отсутствие нарушений, медицинские осмотры, подтверждённую работу, участие в городских программах. Понижался за долги, систематические нарушения, агрессию, ложные сведения, опасное поведение.

Логично.

Почти красиво.

Но в современной версии правил появились другие слова.

«Социальное окружение».

«Маршрутная предсказуемость».

«Цифровая последовательность».

«Реакция на рекомендуемые воздействия».

Саша открыла справку.

«Вес отдельных факторов является адаптивным и не раскрывается в целях предотвращения манипуляций».

Вот и всё.

Люди знали, что их оценивают, но точно не знали как именно.

Можно было поднять рейтинг, выполняя рекомендации, но никто не гарантировал, сколько именно баллов ты получишь. Можно было потерять его после конфликта, но система не сообщала, что сыграло главную роль: слова, тон, место, собеседник или то, что ты потом три часа читала статьи о переезде в другую страну.

На школьном форуме ходили целые легенды.

Кто-то уверял, что десять тысяч шагов в день дают плюс 0,02.

Кто-то — что селфи с бабушкой увеличивает показатель семейной стабильности.

Один парень из параллели три месяца ходил в волонёрский центр, а потом узнал, что его рейтинг не вырос, потому что система распознала «внешнюю мотивацию достижения».

Саша читала и всё сильнее чувствовала, что участвует в игре, правил которой игрокам не показывают.

Утром она провела эксперимент.

Опубликовала фотографию школьного двора с подписью: «Хорошее начало дня».

Хотя начало было отвратительным: она проспала, поссорилась с мамой и облилась кофе.

Через двадцать минут рейтинг вырос на одну десятую.

После уроков она честно написала Соне: «Я сегодня злая и усталая. Не хочу разговаривать».

Через час пришло уведомление:

«Зафиксирован эпизод социальной дистанцированности».

Минус две десятых.

Саша устала на экран.

— То есть когда я вру, вам нравится больше?

Браслет вежливо предложил оценить качество сервиса.

Она поставила одну звезду.

Через минуту рейтинг снизился ещё на одну десятую.

— Ах вот как.

В этот момент в приложении на долю секунды мелькнула строка, которой раньше не было:

«Источник пересчёта: Контур-5 / поведенческая модель».

Потом исчезла.

Саша успела сделать скриншот.

В школе никто не знал, что такое Контур-5.

Даже Ирина Вадимовна.

— Наверное, техническое обозначение, — сказала она слишком быстро.

Но Саша уже научилась замечать слишком быстрые ответы.

Вечером она ввела «Контур-5» в поиск.

Система написала:

«По вашему запросу нет общедоступной информации».

А ниже появилась рекомендация:

«Возможно, вас интересует: как снизить тревогу из-за рейтинга?»

Саша медленно закрыла приложение.

Впервые ей показалось, что рейтинг не просто отвечает на вопросы.

Он замечает, какие вопросы ты задаёшь.

Глава 6. Сбой фильтра

Через два дня школьное приложение запустило новую функцию «Честное лицо».

Реклама обещала революцию.

****Никаких фильтров. Никаких масок. Только настоящие вы.****

— Очень смело со стороны приложения, которое каждое утро советует мне улучшить тон кожи, — сказала Саша.

Соня включила камеру.

— Смотри. Оно само отключает косметические фильтры.

На экране появилось её лицо, а рядом сообщение:

****Естественность повышает доверие.****

— У меня прыщ, — сказала Соня.

— У тебя кожа.

— Нет, конкретно прыщ.

— Поздравляю. Ты человек.

— Можно сегодня побыть человеком завтра?

К обеду «Честное лицо» превратилось в соревнование по тому, кто естественнее выглядит естественным. Девушки фотографировались без фильтров, но по сорок минут выбирали освещение. Парни публиковали снимки после тренировок и подписывали: «Просто обычный день».

Мила Ковалёва выложила фотографию с книгой на подоконнике.

Саша знала этот подоконник. Он находился в школьной библиотеке, а книга была открыта вверх ногами.

— Искренность достигла нового уровня, — сказала она.

Но вечером приложение неожиданно дало сбой.

Вместо обычных фотографий пользователям на несколько минут показали необработанные кадры, снятые до выбора удачного снимка.

Тридцать семь попыток улыбнуться.

Закрытые глаза.

Раздражённые лица.

Мила, кричащая кому-то за кадром: «Убери стакан, он портит композицию!»

Соня, втягивающая живот.

Саша, смотрящая на себя с таким недовольством, будто увидела врага.

Через семь минут ошибку исправили.

Через восемь интернет сошёл с ума.

Школьники удаляли публикации, писали жалобы, обвиняли приложение в нарушении приватности.

Саша сидела на кровати и смотрела на собственный неудачный кадр.

На нём она не улыбалась. Волосы торчали. Под глазами были тени.

Ничего ужасного.

Просто она сама никогда не выбрала бы эту фотографию.

Потому что привыкла показывать не себя, а выбранную версию себя.

Мама вошла без стука.

— Удали всё, что сохранилось после сбоя.

— Зачем?

— Потому что такие фотографии могут повлиять на впечатление.

— На чьё?

— Саша, не начинай.

— Я серьёзно. Если человек увидит у меня неидеальное лицо, что произойдёт?

Мама раздражённо вздохнула.

— Люди делают выводы.

— Вот это и странно.

— Что именно?

— Что мы боимся лица, которое у нас есть.

Мама посмотрела на экран.

— Просто удали.

После её ухода Саша открыла фотографию ещё раз.

И впервые не стала.

В школе на следующий день обсуждали только сбой.

— Я подам коллективную жалобу, — сказала Мила. — Необработанные кадры — это личные данные.

— А обработанные тогда что? — спросила Саша.

— Тоже личные.

— Но там мы выглядим иначе.

— Имеем право выглядеть так, как хотим.

— Конечно. Просто интересно, почему мы называем это «быть собой».

Мила прищурилась.

— Ты после падения рейтинга стала очень философской.

— Бесплатный бонус пакета «социальная катастрофа».

Соня тихо засмеялась.

В этот момент в общую школьную ленту пришло уведомление.

В связи с инцидентом функция «Честное лицо» временно приостановлена. Приносим извинения за избыточную степень естественности.

На секунду в коридоре стало тихо.

Потом кто-то засмеялся.

Следом ещё один.

Через минуту смеялась половина этажа.

Даже Мила.

Саша подумала, что это был редкий момент, когда никто не пытался выглядеть правильно.

И именно поэтому все вдруг выглядели нормально.

Глава 7. Двенадцать

С человеком с рейтингом двенадцать Александра познакомилась вечером в автобусе.
Сначала она наступила ему на ногу.

— Прекрасно, — сказал парень. — Теперь у моего рейтинга ещё и физическая травма.

— Извини.

Он сидел у окна.

Тёмные волосы.

Серая толстовка.

Старый рюкзак.

На браслете светилась цифра.

12.

Саша решила, что показалось.

Посмотрела ещё раз.

Парень заметил.

— Да. Двенадцать.

— Я ничего не сказала.

— Никто ничего не говорит. Просто смотрят так, словно ниже двадцати начинается инфекционное заболевание.

Освободилось место.

Саша села рядом.

— Александра.

— Илья.

Он посмотрел на её запястье.

— Восемьдесят семь.

Она быстро развернула браслет.

— На чужой рейтинг смотреть неприлично.

Илья поднял руку.

— Поздно объяснять это мне.

Саша улыбнулась.

— Как вообще можно получить двенадцать?

— Талант.

— Серьёзно.

— Начинал с семидесяти восьми.

— И?

— Написал статью о том, что психологические тесты измеряют способность угадывать социально правильные ответы.

— И сколько сняли?

— Семь.

— Всего?

— Потом я спорил с директором.

— Зачем?

— Был молод.

Саша посмотрела на него.

— Ты и сейчас молодой.

— Тогда был ещё хуже.

Автобус подъехал к остановке.

Илья поднялся.

— Через две твоя.
— Откуда знаешь?
— Лицей четырнадцать. Форма. Ваши обычно живут в Верхнем секторе.
— А ты?
— Нижний.
Она слышала об этом районе.
Туда переселяли людей с рейтингом ниже сорока.
Официальное название:
Сектор социальной адаптации.
В городе его называли проще.
Низ.
Илья вышел.
Саша неожиданно шагнула следом.
— Подожди.
— Ты домой собиралась.
— Что ты знаешь про эмоциональную рассогласованность?
Улыбка исчезла с его лица.
— Тебе поставили маркер?
— Да.
— Тогда восемьдесят семь ненадолго.
— Что?
— Когда система ставит такой маркер, она начинает анализировать не поступки.
— А что?
— Мотивы.
Саша рассмеялась.
— Мысли она читать не умеет.
— Мысли нет. Но ей они и не нужны.
Илья указал на браслет.
— Пульс. Голос. Зрачки. Поиск. Переписки. Покупки. Время просмотра чужих фотографий. Реакции.
— И что?
— Представь, ты пишешь: «Мне всё равно». А потом проверяешь страницу человека двадцать раз.
Саша замолчала.
— Система видит противоречие.
— Откуда ты это знаешь?
— Моя мама работала в проекте.
— В Рейтинге?
Он кивнул.
— Пока не поняла, во что это превращается.
— Во что?
Илья посмотрел на неё.
— Изначально хотели уменьшить насилие, коррупцию, зависимость, подростковые самоубийства. Идея была хорошая.
— А что плохого сейчас?
— Ты серьёзно спрашиваешь?
— У меня до вчерашнего дня было девяносто пять.
— Именно.
Он пошёл вдоль улицы.

Саша догнала.

— Так объясни.

— Системе дали право определять, какой человек считается психологически правильным.

— Есть же объективные критерии.

— Нет.

— Например, агрессия.

— Хорошо. А злиться можно?

— Можно.

— Насколько?

Саша не ответила.

— Завидовать можно?

— Наверное.

— Бояться?

— Да.

— Быть несчастной неделю?

Она нахмурилась.

— К чему ты ведёшь?

— К тому, что кто-то однажды решил: чувства можно измерить и поставить им оценку.

Он остановился.

— Самая большая проблема рейтинга не в том, что он видит людей.

— А в чём?

— Люди начали смотреть на себя его глазами.

Эта фраза застряла у неё в голове.

Илья спросил:

— Если завтра никто не сможет тебя оценить, ты вообще будешь знать, кто ты?

Саша открыла рот.

И не нашла ответа.

Браслет завибрировал.

Нежелательный социальный контакт.

Рейтинг: 86.

— Ты стоил мне балла!

Илья улыбнулся.

— Значит, я уже тебе дорог.

И ушёл.

А Александра почему-то рассмеялась.

Глава 8. Илья Арсеньев

На следующий день Александра неожиданно обнаружила, что думает об Илье чаще, чем хотела бы признать.

В основном потому, что человек с рейтингом двенадцать не укладывался ни в одну привычную коробку.

По школьным разговорам люди с такими цифрами должны были быть либо опасными, либо совершенно потерянными. Илья не выглядел ни тем, ни другим.

Он был чуть выше среднего роста, худощавый, с тёмными волосами, которые постоянно падали на лоб, словно расчёска давно капитулировала. На правой брови у него был тонкий белый шрам. Саша сначала решила, что это след драки, но позже выяснилось, что в девять лет он попытался самостоятельно собрать радиоуправляемый самолёт и проверил прочность крыла собственным лицом.

Глаза у него были карие, почти чёрные, и Сашу особенно раздражало, что в них почти всегда пряталась усмешка.

Она нашла его через городской каталог.

Профиль открывался с предупреждением:

«Взаимодействие с пользователем может влиять на рекомендации».

— Господи, будто он радиоактивный, — пробормотала Саша.

Публичной информации было мало.

Илья Арсеньев, восемнадцать лет.

Образование: незаконченное среднее специальное.

Занятость: мастерская «Второй шанс», ремонт электроники.

Район проживания: Нижний сектор.

Рейтинг: 12,4.

Саша нажала на историю изменения балла.

«Данные ограничены пользователем».

— Хотя что-то здесь можно ограничить, — сказала она.

В мастерскую она пришла после школы под предлогом сломанных наушников. Наушники работали идеально, поэтому по дороге она пару раз ударила ими о ладонь, но быстро поняла, что это глупо.

«Второй шанс» находился в Центральном секторе, на улице, где новенькие кофейни соседствовали со старыми мастерскими. На витрине лежали разобранные планшеты, часы, камеры и древний кнопочный телефон, выставленный как музейный экспонат.

Илья сидел за столом под лампой и паял плату.

— Орлова, — сказал он, не поднимая головы. — Ты уже соскучилась?

— У меня сломались наушники.

Он протянул руку.

Саша отдала.

Илья включил их, послушал несколько секунд и посмотрел на неё.

— Ужасная поломка.

— Что?

— Они работают.

— Иногда пропадает звук.

— Когда?

— Когда... не работает.

— Техническое описание уровня «что-то где-то не так».

Саша забрала наушники.

— Ладно. Я хотела спросить про Контур-5.

Илья перестал улыбаться.

— Где ты это увидела?

Она показала скриншот.

Он встал, запер входную дверь и опустил металлическую шторку на витрине.

— Ничего себе сервис.

— Покажи ещё раз.

На задней стене мастерской висели фотографии. Илья ребёнком рядом с женщиной в очках. Илья лет тринадцати с разобранным роботом. Та же женщина на сцене конференции перед экраном с надписью «Норма: раннее выявление социальных рисков».

— Это твоя мама?

— Да.

Илья приблизил скриншот.

— Контуры — внутренние слои обработки данных. Я думал, они давно переименованы.

— Что значит слой?

— Представь, что твой рейтинг — итоговая оценка за предмет. Ты видишь восемьдесят семь. Но до этой цифры система считает сотни промежуточных показателей.

— Сотни?

— Возможно, тысячи.

Он взял старый блокнот и нарисовал пять кругов.

— Мама рассказывала о первых пяти. Надёжность. Социальная включённость. Самоконтроль. Адаптивность. Риск.

— И Контур-5?

— Риск.

Саша почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

— Значит, система считает меня опасной?

— Не обязательно опасной. Непредсказуемой.

— Это лучше?

— Для государства? Нет.

Из соседней комнаты вышел хозяин мастерской — широкоплечий мужчина с рыжей бородой и кружкой чая.

— Клиенты теперь приходят через задний вход?

— Это Саша, — сказал Илья. — У неё очень сложный случай с работающими наушниками.

Мужчина протянул руку.

— Павел. Я здесь официально ответственный взрослый.

— Очень убедительно, — сказала Саша, глядя на его футболку с надписью «Я починил то, что ты обновил».

Павел рассмеялся.

Позже Саша узнала, что Илья работал здесь почти два года. После того как его рейтинг упал ниже сорока, техникум отказался продлевать ему учебный грант. Павел взял его учеником.

— Он разбирает всё, что видит, — пожаловался Павел. — Иногда потом даже собирает обратно.

— Клевета, — ответил Илья.

— А что ты хочешь делать потом? — спросила Саша.

Илья пожал плечами.

— Проектировать системы связи.

— Почему не учишься?

Он посмотрел на браслет.

Ответ был очевиден.

Саша впервые подумала, что двенадцать — это не просто число рядом с именем. Это двери, которые перед человеком уже закрылись.

— Ты поэтому ненавидишь рейтинг?

— Я его не ненавижу.

— Правда?

— Ненависть слишком энергозатратна. Я ненавижу варёный лук. А рейтинг я изучаю.

Он снова посмотрел на скриншот.

— И если у тебя действительно всплыл Контур-5, значит, система почему-то решила пересчитать тебя глубже обычного.

— Почему?

— Вот это хороший вопрос.

— Наконец-то я задала что-то правильное.

— Не расслабляйся.

Он переслал скриншот на старый компьютер, не подключённый к городской сети.

Саша заметила, что у него на столе лежал маленький металлический жетон с цифрой 0.

— Что это?

Илья накрыл его ладонью.

— Пока ничего.

— Очень убедительно.

— Тебе лучше не знать.

Саша посмотрела ему прямо в глаза.

— После фразы «тебе лучше не знать» любой нормальный человек хочет знать в десять раз сильнее.

— Именно поэтому я и сказал.

Он улыбнулся.

И Саша поняла две вещи.

Первая: Илья что-то скрывает.

Вторая: она обязательно выяснит что.

Глава 9. Правильная дружба

К пятнице рейтинг упал до восьмидесяти двух.

Мама повесила на холодильник план.

ВОЗВРАЩАЕМ 90+.

Саша прочитала:

6:40 — подъём.

6:50 — дыхательная практика.

7:00 — завтрак.

16:00 — волонёрская активность.

18:00 — семейное общение.

20:00 — дневник благодарности.

— Где здесь предусмотрена жизнь?

— Не начинай, — сказала мама.

— Восемнадцать ноль-ноль. Искренняя близость с семьёй. Девятнадцать тридцать. Спонтанная радость.

Отец засмеялся.

— Андрей!

— Что?

— Ты её поддерживаешь.

— Я просто оценил организацию.

Мама повернулась к Саше.

— Ты не понимаешь серьёзности ситуации.

— Я понимаю.

— Нет. Институт принимает от девяности двух.

— Может, я не хочу туда.

Фраза вылетела раньше, чем она успела остановиться.

Мама застыла.

— Что значит «не хочешь»?

— Ничего.

— Мы три года готовимся.

«Мы».

Саша заметила это слово.

Не «ты».

«Мы».

— Мне нравится писать.

Мама медленно села.

— Писать что?

— Рассказы.

— Это прекрасно.

Вот оно.

Саша уже знала продолжение.

— Как хобби.

Точно.

— Мам, а если я не хочу коммуникации?

— Потому что сейчас ты эмоционально нестабильна.

— Я думала так и раньше.

— Почему не говорила?

Саша хотела ответить.

Потому что боялась расстроить тебя.

Потому что боялась показаться несерьёзной.

Потому что девяносто четыре нравилось тебе больше, чем мои рассказы.

Но сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.